— Лиска? — прошептала Ада.

— Хм?

— Разве это не больно?

Лиска открыла свои светло-голубые глаза, чтобы посмотреть в темно-синие глаза Ады.

— Нет.

— Это выглядело так, будто было больно.

— Это не больно. Ну, в первый раз было немного больно. Но это потому, что ножны Лиски никогда раньше не заполнялись мужчиной.

— Тогда почему ты делала такие лица? И эти звуки?

Щеки Лиски слегка пылали, когда она ответила:

— Потому что, когда хозяин внутри Лиски, это очень приятно. Чем дальше в Лиску пытается войти хозяин, тем больше Лиска чувствует себя… единым целым с хозяином.

— Но тебе приятно?

Лиска кивнула.

— Лиска и представить себе не могла, что это так приятно.

— Это выглядит страшно, — сказала Ада, не уверенная в себе.

— Сначала было страшновато. Но хозяин не обидел Лиску, — сказала она, обнимая Аду, — и хозяин не обидит Аду.

Девушки несколько мгновений смотрели друг другу в глаза, затем Лиска спросила:

— Ада хочет, чтобы хозяин был внутри нее?

Ада посмотрела на меня, явно боясь сказать «нет», но сказала:

— Все равно немного страшно. В обучении Ады не говорилось о том, на что на самом деле похож секс.

Я ободряюще похлопал ее по боку.

— Не волнуйся. Я подожду, пока ты будешь готова, Ада.

— Спасибо, хозяин.

Лиска прижалась к Аде, мягко улыбнулась и сказала:

— Я же говорила, что он хороший хозяин.

— Но, — сказал я, чувствуя, что поднялся на ноги, — если вы, девочки, не позволите мне дремать под ваши разговоры, мне придется найти что-нибудь другое, чем занять ваши рты.

Лиска перевернулась ко мне лицом, я обнял ее и поцеловал в губы. Она поцеловала меня в ответ, все еще не понимая, что сделала, затем ее глаза расширились от удивления, когда мой язык прижался к ее губам и проник в ее рот. Я проник в ее маленький ротик, исследуя его языком, пока ее язык отступал от моего. Я убрал язык и разрывая наш поцелуй. Она моргала, явно не понимая, что такое французский поцелуй.

— Теперь очередь Ады, — сказал я.

Ада придвинулась ближе и позволила мне обнять ее, и я тоже поцеловал ее в губы. Она не ответила. Ну, в конце концов, это ее первый поцелуй. Как и Лиска, мой язык проник в ее рот и исследовал его изнутри, и после секундного шока Ада с любопытством исследовал мой язык своим. После некоторого времени я отступил, и Ада проникла своим языком в мой рот. Оооо! Моя новая рабыня не такая робкая, как кажется!

Я позволил ей немного исследовать внутреннюю часть моего рта, затем разорвал поцелуй.

— Хорошо, девочки, теперь я хочу, чтобы вы попробовали это друг с другом.

Они посмотрели друг на друга и покраснели, обе неловко захихикали. Затем они обняли друг друга и сомкнули губы, шевеля языками во рту друг у друга.

Это так очаровательно по-любительски и в то же время сексуально.

— У-у-у-у! Девочки, это здорово! C'mere!

Они разорвали контакт и бросились вниз, чтобы лечь по обе стороны от меня, и я сжал их обоих в объятиях.

— Вы хорошие девочки, вы знаете это? — Я поцеловал Лиску в лоб и сказал ей: — Мне нравится моя маленькая Лиска, — затем я поцеловал лоб Ады и сказал: — И мне нравится моя Ада.

Ада, похоже, не знала, как на это реагировать, и довольствовалась легкой улыбкой, Лиска же,

напротив, засияла. Она развернула свой хвост так, что он лег мне на живот, слегка подергивая черным кончиком в знак удовлетворения.

— Ада, ты знаешь, как разжечь огонь в печке?

Она покачала головой, выглядя виноватой за то, что не знает основ.

— Все нормально. Как ты думаешь, ты можешь подготовить кастрюли, чтобы Лиска могла приготовить завтрак?

Она кивнула, чувствуя себя снова полезной.

— Я тоже могу расставить тарелки!

— Вот хорошая девочка, — сказал я, похлопывая ее по спине и наблюдая, как она бежит к двери, отпирает ее и спешит вниз по лестнице, чтобы заняться чем-то полезным. Я прижал Лиску ближе к себе и спросил: — Ну, что ты думаешь о своей новой младшей сестренке?

Я назвал ее «младшей сестренкой» Лиски, хотя она физически крупнее и на год старше. Если говорить о старшинстве в рядах и житейских знаниях и опыте, то Лиска явно «старшая сестра» из них двоих. Этому способствует и то, что до того, как ее продали в рабство, она была настоящей старшей сестрой.

— Она хорошая девочка. Она хочет угодить хозяину, и не только потому, что боится наказания. Она… правда, ничего не знает, так как она секс-рабыня, но она научится.

— Как ты думаешь, мне следовало взять другую рабыню?

Лиска на мгновение задумалась, затем покачала головой и ответила, прислоняясь щекой к моей груди:

— Нет. Ада — хорошая девушка, и я думаю, что она сделает хозяина счастливым.

Она вытянулась рядом со мной, затем положила руку мне на грудь. Кончики ее ушей щекотали мой подбородок.

— И она хороша для имиджа хозяина. Она… повреждена, но она все еще очень красивая девушка. Хозяин будет хорошо выглядеть, держа ее на поводке.

Что-то в том, как она это сказала… Лиска ревнует? Или стесняется?

Я поцеловал ее в макушку и сказал:

— Лиска тоже очень красивая девочка. Я тоже буду хорошо смотреться, держа твой поводок.

Она улыбнулась, и я сразу понял, что попал в точку: да, она беспокоится, что внешность Ады затмит ее. Возможно, до такой степени, что она станет моей новой любимицей.

Не стоит беспокоиться, маленькая лисичка: по правде говоря, даже если бы какой-то садистский ублюдок не исполосовал Аду шрамами, ты все равно была бы красивее из вас двоих. По крайней мере, согласно моим предпочтениям.

Я похлопал ее по спине, а затем сказал:

— Тебе, наверное, стоит спуститься вниз и заняться завтраком, пока Ада что-нибудь не сломала.

Лиска засмеялась; не своим обычным девичьим хихиканьем, а искренним смехом.

— Да, хозяин! — сказала она певучим голосом, направляясь к двери. У двери она остановилась и послала подергивание по длине своего оранжевого хвоста, оглядываясь на меня через плечо, а затем ухмыльнулась, демонстрируя тот факт, что она все еще обнажена. Затем она направилась вниз по лестнице.

Я надел боксеры и футболку, затем откинулся на спинку кровати и расслабился. Хорошо. Итак, единственное, что мне нужно сделать сегодня, это отправиться в город и купить еще одного раба, который сможет готовить нормальную еду и вести хозяйство в стиле 17 века. И, надеюсь, ухаживать за лошадью. Черт. Возможно, мне придется купить двух рабов, чтобы приобрести необходимые навыки для ведения большого хозяйства и всего, что с ним связано. Черт, я не хочу оказаться на плантации, и мне не нужно, чтобы Лиска вела мою ораву рабов в исполнении «Старика Риверы»!

На самом деле, я думаю, у Лиски была бы та же роль, что и у Сэмюэля Л. Джексона в фильме «Джанго освобожденный».

Ну, неважно. Я остановился, чтобы отодвинуть кровать на несколько дюймов от стены, чтобы изголовье больше не задевало ее, затем спустился вниз и остановился, чтобы полюбоваться моими девочками, которые работали на кухне, все еще обнаженные. Бледная фигура и светло-каштановые волосы Ады выгляделт прекрасно, а длинные рыжие волосы и оранжевый хвост Лиски контрастировали с ее еще более бледной кожей. Вдвоем они создавали прекрасный образ. Я был честен, когда сказал работорговцу, что Лиска — лучшее приобретение в моей жизни, но я действительно рад, что купил их обеих.

Я сел за стол, Лиска поставила передо мной мою тарелку, а Ада поставила свою тарелку и тарелку Лиски туда, где будут сидеть они. Затем обе девушки заняли свои места на коленях за столом, ожидая, пока я начну есть, и как только я это сделал, они с жадностью принялись за еду.

Обычная овсянка, горсть ежевики и еще кусок той же колбасы. Лиска не преувеличивала, когда говорила, что крестьянская кухня — это простая еда ниже моих стандартов. Тем не менее, это вполне пригодная еда, и я погладил ее по голове и поблагодарил за завтрак, пока она лучилась на меня со своего места на полу.

Завтрак был закончен, посуда убрана и вымыта, и Лиска снова стояла на коленях рядом со мной, прижимаясь щекой к моей ноге, а я тянулся вниз, чтобы погладить ее волосы. Ада присоединилась к ней с другой стороны, и я тоже погладил ее волосы.

Полный живот, собственный дом и две голые девочки-подростка у моих ног, жаждущие угодить. Да. Я определенно вышел победителем в этом мире.

— Ну что ж, — сказал я, — может, отправимся в город и попробуем купить еще одного раба?

Обе девочки вскочили на ноги и последовали за мной наверх, где помогли мне надеть брюки, носки и ботинки. Лиска зашнуровала мне ботинки, а Ада просто беспомощно смотрела, поскольку никогда раньше не видела шнурков. Затем девочки направились к гардеробу, и Ада встала с поднятыми руками, ожидая, когда Лиска оденет ее, но Лиска сделала паузу, держа перед Адой испачканную тунику и хмурясь.

— Хозяин?

— Да?

— Одежда, которую вы купили Лиске, повышает ее ценность как рабыни, потому что чистая рабыня в красивой одежде явно ценнее, чем в уродливой, грязной. Но… у нас для Ады есть только эта туника.

— Хорошо? — сказал я, не совсем понимая проблему. Она получит хорошую одежду еще через несколько дней, так что туника пока сойдет.

— Если Ада наденет это, она будет выглядеть как рабыня низшего класса. Имидж хозяина улучшается только тогда, когда его сопровождают высококлассные рабыни. Если хозяин хочет выглядеть важным, будет лучше, если Ада останется… обнаженной, — сказала она, краснея. Ада ничего не выражала и просто стояла, ожидая решения.

— Конечно, — поспешно добавляет Лиска, — я бы не хотела, чтобы Ада делала то, чего не хочет делать Лиска. И если бы хозяин приказал Лиске… гм…

Несмотря на то, что Лиска заверила меня, что она не против обнажиться на публике, просто чтобы Ада не чувствовала себя обделенной, она явно не была в восторге от этого. Конечно, она все равно сделает это, если я ей скажу, но то, что она вызвалась, чтобы Ада была не единственной, несмотря на то, что ей неловко, когда ее видят голой на публике, вызывало умиление.

Она действительно хорошая девочка.

— Я думаю, тебе стоит надеть свое платье, Лиска, — сказал я ей. Она старательно скрывала облегчение на лице, но ее хвост и уши читались легко, как книга. Думаю, даже Ада, которая знала ее всего один день, могла это понять.

— Я не возражаю, хозяин, — сказала Ада, делая вид, что ей действительно безразлично. — Я никогда не носила одежду, пока хозяин не разрешил мне надеть эту тунику. Если хозяин хочет, чтобы я носила ее, я буду носить ее. Если хозяин хочет, чтобы я была голой, я буду голой. Хозяин может поступать как ему угодно, меня это не беспокоит.

— Хорошо, — сказал я, пытаясь выиграть время для размышлений. Лиска сосредоточилась на моем публичном имидже, сказав, что если Ада будет обнаженной, то я буду выглядеть так, будто выставляю напоказ богатство и власть, но действительно ли то, что Ада носит эту старую рваную тунику и выглядит менее похожей на роскошную рабыню, так сильно повлияет на восприятие меня людьми? На днях кто-то явно пытался спровоцировать меня, чтобы посмотреть, как я отреагирую, но у меня есть только слова Лиски. Насколько я знал, на самом деле это был просто какой-то придурочный мальчишка, который дергал ее за хвост, чтобы поприкалываться, а та женщина вмешалась по собственной инициативе. Вообще-то, если уж на то пошло, все, на что я могу положиться, это слово Лиски. Я ничего не знал об этом месте и его людях, кроме того, что она мне говорит; насколько можно доверять Лиске как источнику информации?

Даже если она на 100% честна и верна, она может фильтровать информацию, чтобы сказать мне то, что, по ее мнению, я хочу услышать, или ее советы могут быть искажены ее собственными предубеждениями. Она довольно эффективно манипулировала мной, заставляя купить еще одну рабыню, и она не прочь сказать мне, что я могу делать, а что нет, даже если она просто сообщила мне, что это «неправильно», а не сказала, что мне запрещено что-то делать. Даже если Лиска делает это ненамеренно, я могу получать недостоверную информацию.

И в любом случае, стоит ли демонстрация голой Ады того, чтобы улучшить мой имидж в обществе? Итак, люди подумают, что я богатый мудак, который выгуливает девушку голой просто потому, что может — неужели это действительно улучшит их мнение обо мне? Даже если это и повысит мою репутацию, разве от этого идея таскать бедную Аду по улицам в обнаженном виде становится правильной?

— Ада, — сказал я, словно внезапно вспомнив о чем-то, — прежде чем мы уйдем, не могла бы ты убедиться, что плита остыла? Я не хочу, чтобы от углей мог начаться пожар.

— Да, хозяин! — сказала она, повернулась и побежала вниз по лестнице.

Повернувшись к Лиске, я спросил ее:

— Насколько важно, чтобы я это сделал? Действительно ли то, что Ада выйдет голой, заставит людей думать обо мне лучше, и будет ли это иметь достаточный эффект, чтобы это было стоящим?

Уши Лиски расправились и откинулись назад, а хвост нервно задрыгал.

— Я не уверена, насколько сильно это повлияет на общественный имидж хозяина, но это могло бы помочь. Что касается того, насколько это важно… это может быть очень важно для того, как воспринимают хозяина. Поскольку хозяин — иностранец, вполне могут найтись люди, которые чувствуют угрозу с его стороны и намерены сделать шаг, если только хозяин не окажется достаточно сильным, чтобы при взаимодействии с ним следовало проявлять осторожность.

— Но кто вообще может знать о моем существовании?

— Хозяин носит одежду, которая явно нездешняя; каждый, кто видит его, знает, что он иностранец. У хозяина очень странный акцент; каждый раз, когда он говорит, любой, кто его слышит, знает, что он иностранец. Все, с кем общается хозяин, могут почувствовать, что хозяин может представлять для них угрозу, или упомянуть о хозяине тому, кто может почувствовать угрозу. Если хозяин — торговец, желающий начать бизнес, местные бизнесмены могут не захотеть конкуренции. Если хозяин — ростовщик, банкиры и кредиторы почувствуют угрозу. Некоторые могут заподозрить, что хозяин — шпион. Чем более респектабельным покажется хозяин представителям высших классов, тем меньше они будут чувствовать угрозу с его стороны. Чем больше хозяин будет выставлять напоказ свое богатство, тем более могущественным и опасным он будет казаться тем, кто чувствует угрозу, и они будут держаться на расстоянии, а не пытаться причинить ему беспокойство.

Лиска подошла ко мне и положила руки мне на грудь, заглядывая в глаза с выражением глубокой озабоченности.

Нет. Независимо от того, насколько достоверны вещи, которые она мне сказала, Лиска определенно честна и делает все возможное, чтобы служить моим интересам.

— Хозяин очень далеко от дома. Если хозяин очень богат и влиятелен, у его семьи будет достаточно богатства и власти, чтобы отомстить за него, если с ним случится несчастье. Но если хозяин — просто зажиточный простолюдин, например, купец, чья семья недостаточно могущественна, чтобы искать его в другой стране, то… кто-то может решить навредить хозяину, — сказала она с дрожью в голосе, цепляясь за мою рубашку и прижимаясь щекой к моей груди. — Лиска любит хозяина. Вы… очень добры ко мне. Я боялась, что окажусь в гораздо худшей ситуации. Хозяин спас Лиску от плохой участи. Я благодарна. Я знаю, что вы не причините мне вреда. Или Аде. Лиска — ваша.

Я нежно обнял свою маленькую лисичку, и наклонился, чтобы прошептать ей на ушко.

— Ты мне очень нравишься, Лиска. Каждый день я очень рад, что ты у меня есть. И для протокола, — добавляю я, — я никогда не позволю тебе выходить на публику голой. Ты моя особенная девочка. Тело Лиски предназначено только для глаз ее хозяина.

Она обняла меня в ответ, дрожь облегчения прошел по ее телу. Конечно, это все еще оставляет решение относительно Ады…

Клянусь дьяволом, Ада вернулась наверх и послушно сообщила мне, что печка действительно холодная. Я похлопал Лиску по спине и сказал ей одеваться.

— Ада, ты действительно не против снова быть обнаженной на публике? Я не буду заставлять тебя, если ты не хочешь. Если ты предпочитаешь быть одетой, так и скажи; я не буду злиться или разочаровываться. Я бы предпочел, чтобы ты чувствовала себя комфортно и безопасно, а не просто делала что-то, потому что я тебе сказал.

— Я не возражаю, — снова сказала она. — Ада всегда была обнаженной.

Сегодня все будет по-другому.

— Хорошо, — сказал я, приняв решение. — Иди надень свои сандалии и жди у двери.

— Да, хозяин, — сказала она и рысью спустилась по лестнице.

Я подождал, пока Лиска закончит одеваться, и она спустилась за мной по лестнице. Ада, в ошейнике и сандалиях, без всего остального, послушно ждала у двери. Лиска обулась, затем повернулась, чтобы я мог надеть на нее матерчатый ограничитель. Ада последовала ее примеру. Затем обе девочки снова повернулись ко мне лицом, подняли подбородки, и я пристегнул к ним поводки.

— Готовы? Никому не нужно в туалет перед тем, как мы пойдем?

Обе девушки покачали головами, и я вышел, чтобы привязать эту чертову лошадь к повозке, чтобы мы могли поехать в город и купить еще рабов.

Потребовалось почти полчаса, чтобы перегнать лошадь из загона в сарай, подвести ее к повозке и запрячь. Я подумал о том, чтобы отвязать девочек, чтобы они могли помочь, но Ада была бы совершенно бесполезна, да и Лиска тоже ничего не могла бы предложить. В конце концов, конечно, я запряг лошадь, посадил девушек в повозку, и мы поехали к работорговцу.

Охранник пропустил меня через ворота на территорию комплекса, даже не взглянув на обнаженную плоть Ады. Вероятно, он видел так много привлекательных девушек-рабынь, обнаженных или нет, что все они уже стали для него одинаковыми.

Женщина-рабыня средних лет снова открыла дверь, сообщила мне, что я могу оставить девочек на поводке на крючках у двери, и отвела меня в маленькую комнату для гостей, прежде чем уйти, чтобы объявить мне.

Вошел работорговец, чье имя я еще не запомнил, одетый, как всегда, вычурно.

— Ах, лорд Шульц! Рад видеть вас снова! Ожидаемая партия иностранных рабов действительно прибыла по расписанию, и я полагаю, что у нас есть именно то, что вы ищете! Следуйте за мной, будьте добры.

Я последовал за ним по абсурдно длинному коридору в ту же комнату, что и вчера, но на этот раз в дополнение к низкому столу в центре комнаты была пара кресел и журнальный столик у одной стены, как и в зоне ожидания.

— Прохладительные напитки доступны. Вино, сыры, виноград, крекеры, пожалуйста, угощайтесь.

— Спасибо, — сказал я, не подходя к подносу с закусками на журнальном столике. Я все еще был сыт после завтрака, и мне не очень хотелась вина. Или пива, если уж на то пошло. Это не значит, что я трезвенник, заметьте: в моем рюкзаке есть фляжка 12-летнего виски, в конце концов. Я не собирал ее в поход, она просто привычно живет там. В лечебных целях.

— Выведите домашних рабов, — сказал он, жестом указывая на женщину. Она поклонилась и поспешно вышла из комнаты. Через несколько секунд она вернулась, за ней последовали восемь или девять рабов. Очевидно, они были готовы к тому, что я вернусь, как и обещал.

Все они женщины. Некоторые из них выглядели довольно побитыми. Я сразу же тяготел к одной бедной женщине в конце очереди.

На вид ей было около 50, может быть, около 60 лет, её черные волосы уже поседели. У нее одно черное кошачье ухо; второе — корешок, покрытый струпьями, кто-то недавно его отрезал. Один глаз опухший, кто-то ударил ее кулаком, губа разбита после другого удара. У нее черно-белый хвост, как у смокинговой кошки, но его кончик явно сломан и направлен под неудобным углом.

Мне жаль ее. Некоторые другие рабыни, на которых я смотрел при покупке Лиски и Ады, явно подвергались жестокому обращению, но эта была чрезмерной по сравнению с ними. Она выглядит как чья-то пухлая бабушка; что, черт возьми, она могла сделать, чтобы заслужить, чтобы ей били лицо и отрезали ухо?

— Какова ее история? — спросил я.

— Недавно захвачена. Боюсь, ее плохое состояние немного не в нашей власти; ее страна была захвачена таргами. Она одна из партии, которую тарги решили продать моим представителям, а не оставить себе. Тарги не славятся своей… добротой к тем, кто попадает в их лапы.

— Понятно. Как тебя зовут? — спросил я ее.

Она смотрит на меня, в ее единственном карих глазах ясно читается непонимание.

— Боюсь, что она говорит только на мадьягском и сносно на куршском, милорд. Я могу пригласить переводчика…

— Не нужно. У меня есть рабыня, свободно владеющая куршским, — сказал я.

— Ах да, ваша маленькая наставница. Мне послать за ней?

— Пожалуйста.

Рабыня убежала за Лиской и вернулась через минуту с ней на буксире. Лиска была явно недовольна тем, что ее поводок держит кто-то другой, особенно в месте, где таких рабов, как она, покупают и продают, и испытала заметное облегчение, когда увидела меня. Женщина передала мне поводок, и я держал его очень крепко.

— Она не говорит по-хратчански, — сказал я. — Не могла бы ты спросить, как ее зовут?

Лиска сказала что-то на тарабарском языке, а бабушка-кошка ответила, как может, с разбитой губой и распухшим лицом.

— Ее зовут Мацка, хозяин, но она сказала, что большинство людей в ее деревне называли ее просто мамой.

— Что она делала до того, как ее схватили?

Я ждал, пока Лиска переведет мой вопрос на тарабарский язык, бабушка ответит, а Лиска переведет его мне обратно.

— Она держала трактир и была хозяйкой. Она отвечала за приготовление пищи, а ее дочери занимались стиркой и уборкой.

— Остальные члены ее семьи в плену? — спросил я.

— Только ее муж. Ее дочери бежали до того, как тарги достигли их деревни, а сын погиб, сражаясь с таргами, несколько лет назад.

— Ее муж управлял трактиром?

— Нет. Ее муж держал конюшню рядом с трактиром.

— Значит, у него есть опыт общения с лошадьми?

— Да, хозяин. Она сказала, что он отличный кузнец, и покупал и продавал лошадей по случаю.

Я обращаюсь к работорговцу и спросил:

— Есть ли среди здешних рабов ее муж?

Он отмахнулся от рабыни, словно пытаясь отогнать пчелу, и она убежала по коридору и вошла в одну из многочисленных одинаковых дверей. Она вернулась с рабом на буксире.

— Это был единственный мужчина-кот в партии, хозяин.

Это пожилой, грузный мужчина, тоже с черными волосами, переходящими в седые, и черными кошачьими ушами. Если у него и есть хвост, то его не видно под туникой.

Он точно муж этой женщины. Как только он увидел ее, он застонал от ужаса, а она застонала. Ни один из них, как я понял, не ожидал увидеть другого снова, и он явно был встревожен состоянием своей жены.

Я попросил Лиску допросить мужчину-кота, и он действительно оказался ее мужем. Он подтвердил, что держал конюшню и имеет опыт содержания как животных, так и их упряжи, повозок и т.д. Его также зовут Мушук, видимо.

— Сколько за пару? — спросил я.

— По три дюжины тарлов, — ответила он.

Это в три раза больше, чем стоил старик, который пытался меня ограбить. За одного. Ада стоит половину золотого талоса, а Лиска — три четверти талоса. Посмотрим, десять медных грошей дают серебряный тарл, десять серебряных тарлов дают большую серебряную монету, название которой я так и не запомнил, десять больших серебряных монет дают маленькую золотую монету, десять маленьких золотых монет дают золотой талос. Так что это... 10 000 медных грошей, чтобы получить один золотой талос. Три дюжины талосов — это 360 медных грошей. Ада, за половину талоса, стоила 5 000 медных грошей, то есть Ада была оценена почти в четырнадцать раз дороже, чем продается любой из этих рабов. А цена Лиски была еще выше.

Учитывая, что женщины-рабыни в Древнем Риме продавались примерно в десять раз дороже мужчин-рабов, это не так уж далеко от истины. А Ада была значительно уценена из-за своих шрамов, так что на самом деле она должна была стоить еще дороже. Черт возьми, Лиска изначально предлагалась за один полный талос.

Мужик, разница в цене между юной симпатичной грелкой для постели и старой поварихой и торговцем лошадьми очень велика.

— Продано, — сказал я, доставая из кармана золотую монету. Мне все равно нужно получить сдачу. В некоторых местах, например, в бакалее, где Лиска делала покупки, не принимают золото, потому что у них нет достаточного количества серебра для сдачи.

— Я подготовлю документы. А пока я прикажу сопроводить вашу рабыню и ваши новые покупки к входу.

Кажется, он что-то задумал, но я не знал что. Женщина забрала у меня поводок Лиски, затем щелкнула языком пожилой паре, которую я только что купил, и жестом приказала им следовать за ней.

Как только они вышли из комнаты, а другие рабы на продажу разошлись, работорговец жестом

пригласил меня присесть за стол с закусками. Я подчинился, насторожившись: этот парень дважды склонял меня к самому дорогому варианту и оба раза уходил, как только сделка была заключена. Я только что купил двух дешевых рабов, и он сидел со мной, пока мы ждем документы.

Он либо пытается продать мне Ferrarri, либо Yugo, сделанный под Ferrarri.

— Итак! Говоря о вашей маленькой наставнице, как она вам нравится?

— Ну, как я уже сказал вчера, я очень доволен своей покупкой, — сказал я с подозрением.

— Замечательно, замечательно. Никаких проблем?

— Ничего серьезного, — осторожно сказал я.

— Великолепно. Знаете, девушка, которую вы купили вчера, очень привлекательна, или, по крайней мере, была таковой, и ваша первая рабыня тоже. У вас явно есть вкус к… лучшим вещам в жизни.

Вот оно.

— Возможно, вы хотите приобрести еще одну лисицу?

Еще одна… девочка-лисичка?

— У меня есть ровно одна, она прибыла с грузом с востока сегодня утром. Не так уж часто в моих запасах есть лисица, и почти неслыханно, чтобы две прошли через мои руки за один месяц.

Меня вполне устраивают Лиска и Ада, вторую из которых я еще даже не лишил девственности. Я даже не знаю, что мне делать с третьей секс-рабыней, а он явно стремится мне ее продать. Но мне любопытно…

— Я не против взглянуть, — сказал я, стараясь звучать непринужденно.

Он усмехнулся, и как только рабыня вернулась с бумагами, которые я должен подписать, он сделал ей жест, она наклонилась и открыла дверь в другую комнату.

Я поднял глаза от места, где подписал акт о праве собственности, и… о боже.

Я встал, чтобы полюбоваться ею поближе.

Это действительно еще одна девушка-лиса, как Лиска, представленная мне в обнаженном виде.

Но там, где у Лиски рыжие волосы спускались до середины спины, у этой девушки светлые волосы доходили до самой попы. Хвост и уши у Лиски оранжевые с черными кончиками; у этой девушки хвост и уши желтовато-загорелого цвета с белыми кончиками.

Она примерно одного роста с Лиской, с очень похожим телосложением. Стройная, хрупкая, с маленькой грудью и, как сказала Лиска, совершенно без волос, кроме головы и хвоста. Она также открыто плакала, что несколько портило ее красивое лицо.

Это точно Ferrarri.

Я хочу ее. Я хочу ее очень сильно. У меня уже есть рыжая и брюнетка, мне нужна блондинка, чтобы пополнить коллекцию. И две лисички…

— Сколько тебе лет? — спросил я.

Работорговец бросил на меня извиняющийся взгляд и сказала:

— К сожалению, мой господин, она говорит только на куршском. Разумеется, она будет обучена как секс-рабыня и в процессе изучит хратчанский язык, чтобы она могла выполнять приказы своего хозяина напрямую. Ей потребуется некоторое время, чтобы закончить обучение, но я буду рад оставить ее для вас, пока она не будет готова.

Ага.

— Сколько?

— Для резерва — один талос, — сказал он. Это, должно быть, меньшая золотая монета. — Ее полная продажная цена — два талоса.

— Ада стоила только половину талоса, и она была сексуальной рабыней, — комментирую я.

— Секс-рабыня, которую мы значительно уценили, мой господин, из-за повреждения ее внешности. И пришлось продать как домашнюю рабыню, так как в качестве секс-рабыни она уже просто не продавалась.

Хороший ответ. Я открыл ответный огонь.

— Моя лисица достаточно красива, ее бы продали в сексуальное рабство, если бы она не умела читать и писать на куршском и хратчанском и не была бы впоследствии обучена как наставница. Она стоила всего лишь три четверти талоса.

— Скидка, для нового клиента, — вежливо сказал он.

— Хм. Эта девушка очень симпатичная, но Лиска не менее симпатичная, да еще и образованная. Я не уверен, что мне действительно нужны две лисицы…

— Все цены, конечно, обсуждаемы, милорд.

— Хммм. Девственница?

— Конечно.

— Один талос, — сказал я, половину его запрашиваемой цены. И я уверен, что это та цена, которую он на самом деле хотел получить с самого начала.

Он задумался на мгновение, затем сказал:

— Я думаю, это справедливая цена за такую рабыню. Я возьму талос сейчас, чтобы зарезервировать ее для вас, и свяжусь с вами, когда она будет готова.

— Сколько времени это займет? — спросил я.

— Это зависит от того, быстро ли она учится, — сказал он, усмехаясь.

— Обычно не больше нескольких месяцев. Она родом из региона, где многие говорят на диалекте, родственном хратчанскому, так что, возможно, она уже знакома с частью или большинством грамматики. Кроме этого, остается только обучение послушанию.

— Понятно. Тогда очень хорошо.

Я вручил ему соответствующую монету и сказал, где меня найти, когда девушка будет готова к продаже.

— Как всегда, приятно иметь с вами дело, мой господин, — сказал он. Рабыня вывела из комнаты плачущую девушку-лисицу, которая тут же прикрыла руками грудь, а хвостом — гениталии, как только перестала быть выставленной напоказ.

Я зарезервировал ее. Она моя. Или будет моей, как только закончит обучение. Превосходно.

Я ни за что на свете не скажу Лиске, что заплатил за другую девушку больше, чем за нее. Никогда.

Я вернулся в переднюю, где две мои девочки терпеливо ждали, все еще привязанные к крючкам у двери. Старшая пара кошек тоже были там; на маме-кошке, как и на девочках, были матерчатые ограничители, а папа-кот был в кандалах. У обоих были поводки.

— Сними их, — сказал я. Рабыня, которая только что закончила надевать кандалы на мою новую собственность, удивленно посмотрела на меня.

— Он нужен мне, чтобы везти повозку, — объяснил я. Она кивнула, затем сняла кандалы и передала их мне.

Взяв в руки все четыре поводка, я отвел свой квартет человеческой собственности на улицу к

вагону. Я снял поводки с моих новых приобретений, вместе с ограничителями мамы-кошки, оставляя только моих девочек с поводками и ограничителями, и все сели в повозку.

— Лиска, скажи ему, чтобы отвез повозку к швее.

— Да, хозяин.

Под руководством Лиски мы добрались до места, и я завел своих четырех рабов внутрь. Швея информировала меня об одежде Ады: еще один день, вместо ожидаемых трех. Одна клиентка отменила свой заказ, а другая сказала, что не сможет принять заказ в течение месяца, потому что едет к родственникам, поэтому она смогла ускорить изготовление моего заказа.

— Хорошо, хорошо. Я бы хотел заказать одежду и для нее. Покрой похож на платья, которые я заказал для Лиски и Ады, но я хочу, чтобы платье было длиннее. Пусть оно будет черным, а вместо полуфартука — полный фартук. И носки, а не чулки, пожалуйста. Несколько пар.

— Очень хорошо, мой господин. Позвольте мне снять с нее мерки.

Она сочувственно прижалась к маме-кошке и издавала успокаивающие звуки все время, пока делала ей замеры.

— Будет ли что-нибудь еще, мой господин?

— Я полагаю, вы не занимаетесь мужской одеждой?

Я не видел здесь такого, но спросить стоит.

— Нет, мой господин. Но портной находится через дорогу.

— Спасибо.

Мы перешли на другую сторону улицы, где к нам подошел худой молодой человек. Я сказал ему, что хочу заказать одежду для себя и моего раба, и он тут же щелкнул пальцами.

Как по волшебству, у его локтя появилась девушка в красивом оранжевом платье в полоску, зеленом фартуке во всю длину с первым примером карманов, который я видел на женской одежде, и рабском ошейнике. Он снял мерки с папы-кота, а девушка записала все, что он сказал, с помощью блокнота и карандаша, которые она достала из карманов фартука.

— И какую одежду вы хотели приобрести для своего раба, мой господин?

— Практичная одежда рабочего. Черное и белое.

Он показал мне рисунок мужчины в брюках, рубашке и жилете без рукавов, с дополнительной

курткой. Я согласился с нарядом, и он включил в него кожаный пояс.

Затем он снял с меня мерки, причем девушка-рабыня все это время внимательно записывала, и спросил, какую одежду я хочу для себя.

— Что-то достойное лорда, — прокомментировала Лиска.

Он кивнул, не обращая внимания на то, что рабыня заговорила, и показал мне несколько разных конструкций. Я внес несколько предложений по изменению одного из них, девушка зарисовала все это в своем блокноте, и я удовлетворился результатом.

— Три дня на новый наряд, мой господин, но вы можете забрать одежду своего раба домой уже сейчас. У меня уже есть комплект по его размеру; мне нужно только изменить заднюю часть штанов, чтобы поместился его хвост. Минутку, пожалуйста.

Он похлопал девушку по спине, и она улыбнулась ему через плечо, следуя за ним в заднюю часть магазина. Пусть они хозяин и рабыня, но они явно любят друг друга. Думаю, мои отношения с Лиской не совсем уникальны.

Примерно через двадцать минут он вышел и попросил папу-кота переодеться в его новую одежду, чтобы посмотреть, как она сидит. В отличие от швеи, у него была небольшая раздевалка. Папа-кот зашел туда, а затем вышел, одетый в свой новый рабочий наряд. Надо сказать, ему очень идет. Из штанов торчал только корешок хвоста, видимо, кто-то его отрезал.

— Выглядит неплохо, — сказал я. Я заплатил за наряд рабочего, и дальше мы пошли к сапожнику.

Мэри Джейн для мамы-кошки, рабочие ботинки для папы-кота, и грязный взгляд сапожника, когда он снова пускал слюни на тело Ады. Опять же, наверное, это моя вина, что я вообще привел сюда голую девушку. Но я пока не уверен, могу ли я настолько доверять ей, чтобы оставлять дома одну, и я не собираюсь оставлять ее в ограничителях и привязанной к крюку на стене, поскольку что-то может случится, например, пожар в доме. Заставить ее убедиться, что дровяная печь остыла перед нашим уходом, было не просто предлогом, чтобы убрать ее подальше, пока я разговаривал с Лиской.

В ожидании, пока обувь будет изготовлена, я купил две пары сандалий для котолюдей, чтобы они могли носить их на первое время.

— Теперь в мебельный магазин, — объявил я. Лиска посмотрела на меня странно, но передала мой заказ без вопросов. Я заказал еще одну кровать, кухонный стол, два стула, еще несколько ламп, свечей и масла и договорился о доставке.

— Ладно, давайте отправимся домой, — сказал я, когда вся мебель была погружена и готова следовать за нами к дому. Лиска сидела между Мушуком, или папой-котом, как я о нем думаю,

и мной, и давала ему указания относительно дома, в то время как мама-кошка сидела в задней части повозки с Адой.

Как только мы приехали, я велел разносчикам разгрузить мебель в доме для гостей, заплатил им хорошие чаевые, а затем посмотрел, как Мушук умело паркует мою собственную повозку, распрягает лошадь и ухаживает за ней. Затем я ввел всех четырех рабов в дом.

Поводки Лиски и Ады висели на крючке у двери, удерживая их на месте.

— Мушук, встань вон там. Мацка, садись за стол.

Лиска перевела, и они подчинились, настороженно оглядываясь по сторонам. Я сказал им оставаться на месте, потом быстро поднялся наверх, порылся в аптечке и вернулся вниз. Наполнив жестяную кружку из кухонного насоса, я дал маме-кошке пару таблеток ибупрофина, чтобы снять боль и отек, смазал ухо и разбитую губу мазью с антибиотиком и наложил шину на хвост. Она и Мушук выглядели искренне удивленными, либо тем, что я вообще оказал ей первую помощь, либо тем, что я сделал это сам. Я нанес каплю мази на палец Мушука и попросил его втереть ее в рану на месте отрубленного хвоста — да, я не буду трогать чужой хвост, даже чтобы оказать медицинскую помощь.

Оставив Аду на крючке, я взял поводок Лиски, чтобы она могла переводить для меня, и отвел пару пожилых кошачьих к гостевому дому.

— Здесь они будут жить.

Они снова удивились: они ожидали, что их поселят либо в сарае без окон, который риэлтор прямо указал как жилье для рабов, либо в маленькой каморке, как та, в которой ожидала спать Ада. Лиска начала длинную тираду на тарабарском языке, и они посмотрели друг на друга.

— Что ты сказала?

— Я сказала им, что хозяин — добрый человек, который заботится о том, что ему принадлежит. Более или менее.

— Хорошо, — сказал я. — Время для основных правил.

Мне пришлось делать паузу после каждого предложения, чтобы Лиска перевела, и иногда ей приходилось повторять что-то или менять формулировку, потому что коты, очевидно, говорят на мадьягском как на родном языке, которого Лиска не знает, а куршский они подхватили от разных клиентов в их трактире, потому они не владели языком в совершенстве.

— Вы двое живете здесь. Вы ответственны за уборку и содержание его. Мне дали понять, что брак считается законно расторгнутым, если один или оба из вас находятся в рабстве. Но в той степени, в какой я могу это решать, это отныне чушь. Вы все еще муж и жена, и я буду уважать

это. Мацка, твоя работа — готовить в большом доме и помогать девочкам убирать, когда это необходимо. Мне говорили, что рабов часто недокармливают или отказывают им в еде; здесь же каждый ест столько, сколько хочет. Ты будешь готовить столько еды, сколько нужно, чтобы накормить меня, девочек, себя и своего мужа. Мушук, тебе нельзя входить в большой дом, если я тебя не позову. Твоя задача — ухаживать за лошадью, поддерживать территорию на участке, делать любой ремонт, в котором нуждается дом, и ездить на повозке, когда нам нужно будет ехать в город.

Они были все еще шокированы моей щедростью рабовладельца. Самое большое потрясение еще впереди.

— Лиска, сколько обычно зарабатывает человек, управляющий конюшней, за день?

— Около трех или четырех тарлов.

А за шесть тарлов можно питаться два раза в день в течение недели в таком дорогом трактире, как тот, в котором я остановился. Это говорил мне о нескольких вещах: во-первых, чтобы заработать приличные деньги на постоялом дворе, нужно много клиентов, а во-вторых, я, должно быть, богат как черт. Я имею в виду, я купил загородный особняк, пару элитных рабынь, еще пару рабов… Ого. Я богаче, чем я думал. Если я буду бережливым, то смогу прожить остаток жизни, просто распродавая свои алюминиевые монеты и никогда больше не работая.

Если только я не умру от чумы на следующей неделе. Это всегда вариант.

— Мушук, я выдаю тебе пособие в размере одного тарла в день. Трать его как хочешь. Покупай одежду, покупай инструменты, мебель, предметы роскоши, мне все равно. Я заплатил 36 тарлов за тебя и еще 36 тарлов за твою жену. Если тебе удастся накопить достаточно денег, я разрешу тебе купить у меня свободу, и я сам подпишу документы.

У них от шока отпали челюсти. Даже Лиска с трудом в это поверила.

— Если вы освободитесь, тогда мы сможем договориться о зарплате, если вы намерены продолжать работать на меня. Мацка, тебе уже лучше?

Ее ответ звучал менее невнятно, чем раньше, и Лиска сообщила, что теперь ее боль значительно уменьшилась.

— Хорошо. Если начнет сильно болеть, дайте мне знать, и я дам вам еще немного лекарства. Иди и начинай работать над обедом. Мушук, я надеюсь, ты сможешь найти себе занятие, если я не буду все время за тобой следить?

Он навострил уши и кивнул. Мама-кошка пошла в дом и начала суетиться на кухне, а Мушук расставил мебель в гостевом доме, в котором теперь будут жить он и его жена. Я снял с моих

девочек поводки и ограничители и отвел их обеих наверх.

— Это… было очень щедро с вашей стороны, хозяин.

— Ммм.

Ада понятия не имела, о чем сказала Лиска, и я надеюсь, что она не станет рассказывать той об этом в подробностях. Я совершенно не против, чтобы кошачья пара в конце концов освободилась, если только я получу от этого то, что хочу, но я совершенно не намерен отпускать ни Аду, ни тем более Лиску. Они мои. Навсегда. И мне не нужно, чтобы у них появились какие-то идеи.

Я сразу же сменил тему.

— Я попросил работорговца зарезервировать для меня раба.

— Еще одна девушка? — нейтрально спросила Лиска.

Да. Она ревнует. Или боится, что это может понизить ее статус в моем доме/гареме. Не волнуйся, Лиска, ты всегда будешь для меня номером один.

— Да. Она должна выучить хратчанский, и, по-видимому, также пройти обучение послушанию. Что именно это включает в себя?

— В основном, побои, — ответила Лиска совершенно искренне. Ада кивнула.

Я, наверное, выразил свои чувства на лице или что-то в этом роде, потому что Лиска сказала:

— Это досадная необходимость, хозяин. Она должна научиться дисциплине и послушанию, иначе она будет бунтовать против хозяина. Она может убежать, не выполнить приказ или даже физически напасть на хозяина. Если она будет учиться послушанию, то хозяин сможет быть к ней так же снисходителен, как и к нам. Это также даст ей некоторую… перспективу в отношении хозяина.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Хозяин — очень добрый человек. Он заботится о том, что ему принадлежит, он щедр, он заботится о благополучии своих рабов и не причиняет им вреда. Если она будет знать, как с ней обращались бы другие рабовладельцы, она будет гораздо более благодарна за доброе отношение хозяина. В противном случае она может решить, что хозяин слаб и им можно воспользоваться.

— Понятно.

— Это к лучшему, — сказала Лиска. Ада снова кивнула.

— Я полагаю, вы прошли через тот же курс послушания? — спросил я. Лиска кивнула, уши развелись в стороны, а хвост опустился, поскольку она, очевидно, вспомнила то, что предпочла

бы не вспоминать. Я положил одну руку ей на плечо и почувствовал, как она дрожит; мысль о том, что кто-то может причинить боль моей Лиске, избить ее до полусмерти, только чтобы научить ее выполнять приказы, приводила меня в ярость. Черт, посмотрите, что случилось с Адой!

Лиска обняла меня, тихо сказала мне в грудь:

— С Лиской теперь все в порядке. Никто не обижает Лиску.

Я обнял ее в ответ, затем жестом попросил Аду подойти ближе и обнял обеих моих девочек вместе.

Никто и никогда больше не причинит вам вреда. Нет, если я смогу помочь.

Шлепки не считаются. Заткнись.

Лиска и Ада помогли мне снять сапоги, затем я обнял обеих моих девочек на кровати, пока вкусные запахи медленно наполняли дом.

Лиска, кончики ее ушей щекотали подбородок, когда она положила голову мне на грудь, тихо сказала:

— Спасибо за то, что Лиска чувствует себя в безопасности, хозяин.

Ада, положив голову мне на грудь, кончик ее носа находился в нескольких сантиметрах от носа Лиски, также тихо добавила:

— Ада тоже чувствует себя в безопасности с хозяином. Спасибо.

Я крепче прижал их обеих к себе и наклонил голову, чтобы поцеловать макушку сначала Ады, потом Лиски. Ада посмотрела на меня мягкими, доверчивыми глазами и сказала:

— Я думаю, Ада готова к тому, чтобы хозяин воспользовался ею.

Лиска наклонилась ко мне, чтобы радостно обнять Аду, а я поцеловал обеих моих девочек, на этот раз в губы, и сказал:

— Думаю, мне это понравится. Но сегодня вечером.

Обе девочки кивнули и прижались ко мне, расслабляясь.

Потом мама-кошка крикнула снизу, и Лиска оживилась, дернула ушами туда-сюда и сказала:

— Обед готов!

— Я собрался, — сухо сказал я.

Мои девочки спустились за мной по лестнице, и я сел за стол. Лиска подала мне еду, а Ада поставила свою тарелку и тарелку Лиски. Мама-кошка все время сочувственно смотрела на Аду, и я понял, что это потому, что Ада была голой. Она думала, что ей должно быть неловко или неудобно. Обе девочки стояли на коленях у стола, сложив руки на коленях, и терпеливо ждали, когда я подам им сигнал есть.

— Лиска, скажи ей, что она и ее муж теперь тоже могут есть.

Лиска передала мое сообщение, а мама-кошка поклонилась, сказала что-то еще на тарабарском языке и продолжила работать на кухне.

— Она сказала, что скоро принесет ему обед, но ей нужно начать готовить уже сейчас, чтобы успеть его приготовить.

Я кивнул и с жадностью вгрызся в свой обед. Обе девушки немедленно повторили за мной.

Обед — курица и пельмени с хлебом. Очень вкусно. Она действительно нашла приправы, которые я купил, и знает, как их использовать. Я не уверен, что Лиска вообще знает о существовании приправы. Ада точно не знает.

Обе девушки с аппетитом проглотили свои блюда, а затем сели на пятки и облизали губы. Честно говоря, я тоже съел всё довольно быстро. Она готовит даже лучше, чем в гостинице. Мацка определенно стоит своих денег!

Я откинулся на стуле. Ада собрала тарелки девочек, а Лиска — мои, и отнесла их в раковину. Мама-кошка остановила их, когда они начали мыть посуду, мягко отпихала их и поставила в сторону кастрюлю, в которой готовила еду. Полагаю, она тоже намерена позаботиться о посуде.

Девочки вернулись на колени рядом со мной, и я погладил свое бедро, подавая сигнал Лиске, чтобы она положила туда голову. Она закрыла глаза с довольной улыбкой, когда я нежно гладил ее волосы, а затем погладил другое бедро. Ада тоже положила голову на мою ногу, позволяя мне гладить ее волосы. Мама-кошка украдкой посмотрела на нас, и ее взгляд смягчился, когда она увидела, что я глажу своих девочек. Она продолжила суетиться на кухне еще несколько минут, потом сказала что-то на тарабарском языке. Лиска села и перевела.

— Она отнесет обед своему мужу, и они вместе пообедают в гостевом доме, хозяин. Когда они закончат, она вернется, чтобы вымыть посуду и продолжить готовить ужин.

— Это прекрасно.

Мама-кошка поклонилась, а затем ушла с двумя тарелками и половиной буханки хлеба.

— Вы, девочки, идите наверх. Я присоединюсь к вам через минуту.

Они немедленно подчинились, а я встал у окна и стал смотреть, как мама-кошка зовет своего мужа в гостевой дом. Он поспешил из хлева и последовал за ней внутрь. Я не мог видеть их через окна гостевого дома, но, предположительно, они сейчас ели.

Я поднялся наверх, остановился под скрипучей верхней ступенькой, когда услышал разговор девочек. Может, я смогу подслушать...

— Разве хозяин, когда он гладит тебя по голове, не заставляет тебя чувствовать, что он обращается с тобой как с ребенком? — услышала я вопрос Ады.

— Я не против, — ответила Лиска. — Это способ хозяина показать свою привязанность. Мне нравится, когда хозяин гладит Лиску по голове. Это значит, что хозяин доволен.

— Правда, — сказала Ада. — Мне кажется, что он имеет в виду, что мы хорошо себя ведем, когда гладит нас по голове. Я тоже не против. Но... Не знаю, как насчет лисичек, но некоторые другие девушки, которых готовили в секс-рабыни, были девушками-кошками и другими зверолюдьми. Все они, похоже, думали, что чесать уши — это то, что можно делать только с детьми.

— Угу. То же самое с лисицами. Но, как я уже сказала, я не возражаю, если хозяин делает это. Так он показывает свою привязанность. И это действительно очень приятно! — сказала она со смехом. Ада тоже хихикнула. — Иногда мой отец чесал маме уши, но только когда думал, что никто не смотрит.

— И кроме того, — продолжила Лиска, — я не возражаю, если хозяин иногда обращается с Лиской как с ребенком. Или даже как с домашним животном. Мне это нравится.

— Правда?

— Хозяин — очень крупный мужчина. Он может легко одолеть Лиску и сделать с ней все, что захочет. Но он не обижает Лиску. Он просто хочет, чтобы Лиска была полностью его. Рядом с ним я чувствую себя... маленькой. Но это меня не пугает. Лиска любит чувствовать себя ребенком на руках хозяина. Там я в безопасности. Мне нравится принадлежать хозяину. Мне нравится, когда он держит Лиску за поводок. Мне нравится, когда он связывает руки Лиски. Даже когда он сминает Лиску, когда использует ее на кровати, или когда он немного груб, мне не страшно. Лиска — его, а хозяин хорошо заботится о том, что ему принадлежит. Мне нравится быть его. Мне нравится быть его маленькой Лиской.

Я... чувствую, что только что обнаружил скрытую изюминку Лиски. Думаю, она тоже только что ее обнаружила. Или, по крайней мере, просто выразила это словами.

Нравится ли моей маленькой лисичке, когда над ней доминирует ее большой, сильный хозяин?

Интересно.

Я ступил на скрипучую лестницу, и девочки сразу замолкли, услышав мое появление.

Зайдя в спальню, я сказал:

— Ада, почему бы тебе не сбежать вниз и не подмести у входной двери и на кухне?

— Да, хозяин.

Как только она вышла из комнаты, я закрыл дверь на засов. Затем я встал перед Лиской, и она взглянула на меня с любопытством, ожидая моих дальнейших действий. Я протянул руку и почесал ее за ухом, вызывая улыбку. Затем я сел на край кровати и похлопал по коленям, и она послушно устроилась там, закручивая хвост на коленях.

Я протянул руку и стал чесать ей оба уха. Она практически мурлыкала, тая в моих руках и наслаждаясь ощущениями.

— Тебе нравится, когда твой хозяин чешет тебе уши?

— Угу.

— Даже если это немного… по-детски?

Ее глаза открылись, а щеки покраснели, когда она поняла, что я слышал ее разговор с Адой.

— Тебе нравится быть моей маленькой Лиской?

— Угу.

— Тебе нравится, когда твой хозяин… больше и сильнее тебя?

Она посмотрела на меня, широко раскрыв глаза, и медленно кивнула.

— Ложись на кровать.

Она немедленно подчинилась, сняла туфли и легла на кровать. Я стянул с себя брюки и забрался на нее сверху, приподнимая платье и ноги, чтобы открыть доступ. То, что на ней нет нижнего белья, на самом деле очень удобно.

Она начала обнимать меня, но я остановил ее. Я сложил ее руки так, чтобы они были по обе стороны от нее, ладони прижаты к моей груди, затем я обхватил ее своими руками, бесполезно прижимая ее к себе.

— Ты можешь двигаться?

Ее руки и ноги дергались подо мной, затем она покачала головой.

— Ты беспомощна?

Она кивнула.

— Хозяин может сделать с тобой все, что захочет, и ты ничего не сможешь сделать, чтобы остановить его. Верно?

Она кивнула.

— Ты боишься?

Она покачала головой. Ее уши стояли прямо, не выглядя неловко.

— Хозяин не обидит Лиску.

— Это верно. Я тебя не обижу. Потому что ты моя Лиска. Ты принадлежишь мне, навсегда.

Она вздрогнула, когда я проник в нее, а затем прошептала:

— Я ваша!

— Тебе нравится, даже когда хозяин груб с тобой?

Она кивнула, прикусив губу.

Я продолжил выбивать дерьмо из моей маленькой девочки-лисички. Беспомощная подо мной, она может только пыхтеть и стонать, и, когда она стала слишком громкой, я закрыл ей рот рукой, чтобы заглушить ее голос, чтобы они не услышали ее внизу, и продолжил трахать ее так сильно, как только мог.

Передвинуть кровать так, чтобы изголовье больше не упиралось в стену, было хорошим решением.

Лиска сжала руки в кулаки у моей груди, ее уши разлетелись в стороны, и она зажмурила глаза. Я почувствовал, как ее влагалище сжалось вокруг меня. Неужели она уже готова?

Она сделала. Моя маленькая лисичка испытала оргазм. Я продолжил жестко трахать ее до самого конца, и когда она кончила, ее глаза расширились, когда она поняла, что я не собираюсь останавливаться в ближайшее время.

Правильно, Лиска. Хозяин еще не закончил тебя использовать.

Я убрал руку со рта Лиски, и она стала сильно дышать, обретая второе дыхание.

— Чья ты Лиска?

— Я ваша! — задыхалась она.

Я вгонял себя в нее так сильно, как только мог, снова и снова, и она издавала приглушенные писки, прикусывая губу, а затем задыхалась:

— Я ваша, хозяин! Я вся ваша!

Я чувствовал, что приближаюсь к краю пропасти. Лиска, похоже, тоже была близка к этому, судя по тому, что у нее вот-вот начнется гипервентиляция.

— Ты вся моя! — рычал я в ее острые ушки.

На лице Лиски внезапно появилось подобие инсульта, ее влагалище запульсировало вокруг моего члена, и она на секунду перестала дышать, выгнув спину подо мной. Моя маленькая лиса кончила уже дважды.

Этого достаточно, чтобы подтолкнуть меня к краю, я вошел в нее так глубоко, как только могу, и опустошил себя в ее лоно снова и снова, извергаясь в экстазе. Боже мой, она полна звезд!

Задыхаясь, я рухнул на Лиску, мы оба тяжело дышали. Через мгновение я поддержал свой вес, чтобы не раздавить ее, и выбрался.

Лежа рядом с ней, я смотрел на свою красавицу. Она смотрела в потолок, греясь в лучах после двух оргазмов. Она уже вся вспотела; думаю, ей придется постирать свое платье.

Я снова натянул брюки, затем открыл дверь в спальню.

— Ада!

Другая моя рабыня подошла к основанию лестницы, держа в руках метлу.

— Да, хозяин?

— Подойди сюда, пожалуйста.

Она прислонила метлу к стене и поднялась по лестнице, босые ноги шлепали по каждой

ступеньке, когда она спешила выполнить просьбу. Они с Лиской, конечно, часто бегают, когда я их зову; наверное, это было частью их обучения послушанию.

Я отвел ее в спальню, где Лиска все еще лежала на кровати. Она подняла глаза, когда я закрыл за собой дверь.

— Ада, не могла бы ты быть хорошей девочкой и помочь Лиске прибраться?

Ада кивнула и забралась на кровать. Лицо Лиски покраснело, но она послушно раздвинула ноги, чтобы дать Аде доступ. Ада, теперь уже на четвереньках, сделала паузу, чтобы набраться храбрости, покраснела так же эффектно, как и Лиска, затем наклонилась и начала вылизывать безволосую щель Лиски.

— Хорошая девочка, — сказал я ей, садясь на кровать рядом с ними и нежно поглаживая волосы Ады.

Ада заканчила с чавканьем, затем села, вытирая подбородок тыльной стороной ладони. Лиска смыкает ноги и стянула платье.

— Ну как, чувствуете себя грязными? — спросил я, как я надеюсь, в ободряющей манере.

Обе девушки кивнули.

Проклятье. Ну, маленькие шаги.

Я обнял Аду и поцеловал ее в лоб, потом посадил Лиску, чтобы обнять, и тоже поцеловал ее потный лоб.

— Лиска, почему бы тебе не почистить свое платье? Ада может помочь тебе и научиться.

Лиска кивнула и спрыгнула с кровати, Ада спустилась за ней по лестнице в ванную.

Я откинулся на кровать, наслаждаясь прохладным ветерком через окно и вкусными запахами снизу, и расслабился.

Черт, в этой комнате пахнет сексом.

http://tl.rulate.ru/book/3187/76926